

Сестра милосердия Валентина
Александровна Глушкова

— Это моя мама, — ответила на моё приветствие Нина Михайловна.

Я очень удивилась возрасту старой женщины и невольно воскликнула:

— Как же вы шесть человек прожили в такой тесной комнате?

На что Нина Михайловна ответила:

— До недавнего времени нас было семеро. С нами ещё жила моя сестра.

— Да? А я её ни разу не видела.

— Она была больна, сторонилась людей, поэтому всегда была дома.

— А что случилось с ней? Почему она не выходила на улицу?

С ребятами Нины Михайловны мы часто бегали в детстве. Поэтому знали друг о друге.

Старший сын Вася стал мичманом Дальневосточного флота, Виктор закончил Пермский политехнический институт, работал на Байконуре, там и проживает; Коля остался в Очёре, проживает теперь на Кукуе. С его женой Людмилой Геннадьевной мы коллеги по музейной работе.

Тем временем Нина Михайловна поведала мне историю своей семьи. Был 1919 год. Семья Чазова Михаила Лаврентьевича проживала в деревне Низовская.

— Отец был комиссаром артдивизии в Красной Армии. При занятии Очёра белыми отец ушёл вместе с отрядом в эвакуацию. Жена, Мария Яковлевна, была в положении, осталась дома. И тут случилась трагедия. Контрразведка белых донесла в штаб, что в Низовской проживает жена командира Красной Армии. Арестовывали и тех, у кого квартировали красноармейцы. Поздно вечером человек сорок вывели за околицу, к оврагу на расстрел. Беремен-

К событиям гражданской войны

Однажды, по заданию редакции, я заглянула к своей соседке Нине Михайловне Шаровой. В 70-х годах прошлого столетия она с семьёй проживала напротив нашего дома по ул. Урицкого, 53. Слыла очень хорошей учительницей начальных классов базовой начальной школы в Очёре. На пороге меня встретила сухонькая маленькая старушка.

ной женщине сочувствующие соседи шепнули: «Упади раньше выстрела. Ночью мы тебя заберём». Так и случилось. То ли от страха, то ли от усталости Мария упала в обморок, как только прогремел выстрел. Сверху её прикрыли тела погибших. Ночью на санках маму вывезли в деревню. Поместили в подполье. Там она и жила три месяца, пока красные не погнали белых в Сибирь. Воду и пищу спускали ей на веревке через дырку в подполье. Там, в подполье, и родилась моя сестра. Условия содержания и страх матери быть убитой сказались на её здоровье. Сестра выросла умственно отсталой со слабым здоровьем. Так и жили в этой тесной комнатухе семь человек — Семья.

Другая история, другой семьи была рассказана мне Ниной Даниловной Стариковой, проживавшей по ул. Октябрьская.

— Мне было семь лет, и я отчётливо помню, как в дом прибежала соседка и обратилась к моей матушке: «Марьюшка! Беги скорей! Твоего мужа то беляки на куски порезали! Там, за больницей». Отец действительно возвращался из д. Морозово на лошадке домой. У больницы его настиг конный разезд белых. Обвинили его в том, что в доме квартировали красные. Слёз было море, как и горя. Я и сейчас плачу, когда об этом вспоминаю.

Глаза у моей собеседницы увлажнились и по мятым морщинистым щекам побежали ручейки чистых слёз...

— Похоронить тятю не разрешили. На просьбу забрать тело матушка получила несколько ударов плетью... Захоронили погибших много позже, месяца через два, где-то в мае. Было уже тепло. Гробов не было. Кто мог, облачил тела в чистые одежды, обмотав полотном. Везли, кто как мог, кто

Николай Дмитриевич Балахонов

на лошадке, кто на тележке. В яму положили штабелями, друг на друга. Было это в конце кладбища. Сейчас там братская могила».

— Белые придут — грабят. Красные придут — тоже грабят, — неоднократно слышала я ответы от старожилы деревень на вопрос: «При ком жилось лучше: при красных или при белых?».

Мой дед Петр Александрович Гусев, по рассказам моей тётушки Веры, пострадал от красных. Не хотел растаться со своей лошадкой — кормилицей семьи. Лошадь подлежала мобилизации в Красную Армию. Деда арестовали, лошадь забрали. Месяца четыре его не было дома. Пришёл он очень удручённый, поникший, худой, неразговорчивый, одним словом — больной и очень сердитый, иногда даже жестокий. Отпустили его по ходатайству комитета бедноты, поскольку имел детей-сирот. Хозяйка умерла от тифа в восемнадцатом году. «Пока отца не было, нас, троих сестёр, воспитывала тётя Катя из Павловского».

Гражданская война — тяжёлое испытание для народа, для страны. Кто есть кто, за что борется, что отстаивает? Каким должен быть мир каждого из живущих?

В одной семье люди оказывались по разные стороны баррикад. Так случилось с моим двоюродным дедом Николаем Балахоновым. Он — в Красной Армии 30-й стрелковой дивизии В.К. Блюхера, связист. Его жена Валентина Александровна Глушкова — в Белой Армии А.В. Колчака. По мобилизации. Общим армиям нужны были бойцы. По рассказам внучки Галины Дмитриевны Антипьевой (Пермь), бабушка работала сестрой милосердия в земской больнице г. Оханска. «В декабре город оказался под властью белых. Работников больницы мобилизовали для работы в госпиталях. При отступлении колчаковцы посадили всех мобилизованных в эшелон и отправили в Сибирь. Так бабушка оказалась в Иркутске. Четверо потом бежали из белого плена. Выправила документы. Продолжала работать провизором в аптеке г. Перми. Но всю жизнь боялась ареста и преследования со стороны властей. Была человеком добрейшей души. Много стряпала, привечала родственников. Воспитала с дедом мою маму. Сына, к сожалению, потеряли в раннем детском возрасте».

Следы гражданской войны, нет, да и проявятся редкими воспоминаниями тех или иных людей. О том, что были окопы на горе Кокуй и на окраине соснового бора, мы знали с детства. Часто прятались в заросших канавках. Иногда их раскапывали, находили гильзы, штыки. Играли в войнушки, как все дети. У деда П.А. Гусева приёмный сын Валентин Колчанов четырнадцати лет подорвался на гранате, найденной в лесу.

Недавно в деревне Дворец новые хозяева спилили старую березу, из неё посыпался град расстрелянных гильз.

Десять лет назад при чистке русла реки Очёр на сливе плотины ковш экскаватора задел подозрительный металлический предмет. Оказалась бомба, заложенная в тело плотины при отступлении белой армии. Десяносто лет пролежал смертоносный снаряд глубоко в заилённой земле. Хорошо, что белые не успели его взорвать. Сколько бы могло произойти, если бы он взорвался!

Сто лет. Много или мало в жизни одного маленького городка? Всего один век. Век борьбы, усилий, труда, страданий, болезней, немощностей, открытий, созиданий, учёбы — век жизни!

Маргарита КАРЕЛИНА